

Если ты наткнулся на что-то фантастическое – составь план исследований и запишись к психиатру.

Надо рассматривать все варианты.

Правило гениального академика № 74

Черт! Как же болит голова! Боль отдается куда-то в переносицу и под глаза, прокручивая перед внутренним взором бесконечный калейдоскоп бессвязных картинок. Так что разлепить веки представляется отдельным актом мазохизма. Мазохистом я не был, поэтому просто замер с закрытыми глазами, стараясь не двигаться. «Только бы не insult! Только бы не insult!» - застучала паническая мысль. Уффф. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Откуда такой резкий запах хлорки? Пытаюсь успокоиться и собрать воедино свое самоощущение.

Так. Кто я? Я ученый-генетик и известный предприниматель. Вроде бы... Точно! В прошлогоднем журнале Форбс в списке богатейших людей России моя фамилия располагалась на семнадцатом месте. Василий Николаев! Понятно, не Ходорковский с Березовским, узнаваемость имени и фамилии среди народа куда как меньше. Только вот где теперь эти самые Березовские, да Ходорковские?... Как говорится, иных уж нет, а те далече. Хм, что-то еще царапает... какая-то мысль. Васька Николаев... вдруг ясно вспомнилось, как я (?) сегодня утром шел через проходную своего завода.... Ну, да, точно! Еще, отвлекшись на сдобную фигуру Грушки Афиногеновой, узелком с едой задел обитый железным уголком ящик, зачем-то поставленный в узком коридоре. Результат – разбитая полуштофовая бутылка с молоком, подмокший ломоть хлеба и ругань в мой адрес со стороны вохровца Петровича, которому внезапно добавилось лишней работы с мытьем полов на подведомственной территории.

Стоп, стоп, стоп! Какие узелки, какие вохровцы? Что за безумный набор воспоминаний?! Ведь точно помню, я – крупный бизнесмен и ученый! Черт! Да еду, если внезапно заработаюсь, мне из лучших московских ресторанов привозят! Или нет? В памяти внезапно промелькнули детские воспоминания о голоде и сосущее чувство в животе, возникающее через несколько часов работы в цеху. Так... А как же ковид? Больница? Космонавты? Глаза всё-таки придется открывать – нужна информация «со стороны». Даже если вокруг никого нет, посмотрю на ладони – по внешнему виду собственных рук можно определить, какие из воспоминаний... реальные, что ли? Интересно, что увижу? У шестидесятитрехлетнего пожившего мужчины руки точно не такие, как у шестнадцатилетнего подростка.

Яркий свет резанул по глазам! И боль! Она словно ждала этого момента, чтобы раскаленной иглой снова впиться в переносицу и набатом врезать по вискам. Однако прежде, чем заслезившиеся глаза сами собой закрылись, смог уловить главное: холеными, волосатыми руками бизнесмена, ученого и мецената с его безупречно обработанными ногтями тут и не пахло. Жилистые, мозолистые пятерни с въевшимися следами машинного масла и окалины. Хоть какая-то определенность, однако, успокоила. Сразу пришла утешительная мысль: «значит молодой, проживу подольше».

- О! Кажись, наш стукнутый очнулся! – послышался возглас совсем рядом. – Гля, как руками дергает!.

Попытался взглянуть на мир еще раз. Повторно это далось куда легче. Сквозь щелочки глаз свет еще резал глаза, но уже почти терпимо, да и головная боль как-то отодвинулась на третий план, смытая новизной впечатлений. Огляделся, насколько позволяло лежачее положение. Да, это вам не Рио-де-Жанейро! Дощатый, грубо побеленный потолок, одеяло ветхое и вытертое, с небелёным полотнищем вместо пододеяльника, непривычно грубым наощупь. Зато на дальней стене в верхней её части натянули транспаранты: «Вставай Товарищ с койки! Вперед – к новой жизни!», и чуть ниже: «В стране где здоровье твоё берегут. И легок. И радостен пролетарский наш труд!». Палата же (а ничем другим помещение, сплошь заставленное кроватями с лежащими на них людьми, быть не может) человек на десять-пятнадцать. И сосед, кудлатый седой старикан с окладистой бородой, как у Карла Маркса, нависающий надо мной с изучающим взглядом.

- С возвращением тебя, паря!

- Что со мной? Где я? – Извечные вопросы.

- Известно где. В заводской больничке, – принялся разъяснять текущее положение дел словоохотливый старик. – Тебя часа два как принесли. Сказали, авария в кузнечном цеху. Неужто не помнишь?

- Смутно, – вроде, и в самом деле начал припоминать, как наш старший мастер, Трофимыч, с брюзжанием и такой-то матерью что-то подправлял в механизме заевшего парового молота. А потом грохот, свист пара и... уже в больничке лежу.

Долго разлеживаться не дали. Очевидно, доктору кто-то сообщил, что новый пациент очнулся. Эскулап появившийся в сопровождении парня и девушки в белых халатах (то ли санитары, то ли интерны), сразу как пришёл – положил ладонь мне на солнечное сплетение. От руки по телу словно мурашки расплзаться стали.

- Марьяна, записывай! Пульс 81, Давление 131 на 85, но может быть неустойчиво. Критических последствий сотрясения не наблюдается...

Через пару минут, удовлетворенно кивнув, он закончил диктовать результаты своих «измерений» и принялся меня мять, щупать, временами простукивая. При этом постоянно спрашивал:

- Так больно? А так? А если мы здесь?

Убедившись, что с телом на первый взгляд все в порядке, длинная ссадина на голове не в счет, даже бинтовать не стали, осколок взорвавшегося котла прошел по касательной, сей достойный эскулап предложил встать и попробовать пройти.

Я поднялся на ноги. Мир вокруг закружился сначала, но быстро обрел равновесие. Как и я сам, когда, опираясь на отполированную десятками рук моих предшественников спинку простой кровати, сколоченной из оструганных досок, сделал первый шаг. Потом еще. Потом, расхрабравшись, попытался шагнуть уже без опоры. Даже на ногах удержался!

- Ну что могу сказать, голубчик? Всё с вами понятно, – заключил доктор. – Пока лежи до завтра. И можете не волноваться – товарищи, что вас притащили, обещали родным сообщить, что вы в больнице. Поправляетесь.

Ну, что ж, доктор сказал в морг... тьфу ты! Сказал лежать, значит, придется лежать.

Вечером пришел заглядывавший ранее с доктором парень – принес какую-то микстуру, отвратительнейшую на вкус. А следом появилась пожилая нянечка, в эмалированном ведре похлебку притащила. Половником принялась разливать порции в подставляемые ей больными тарелки. У меня тарелки, разумеется, не было. Немного помешкав, женщина сходила, взяла с подоконника и тщательно её обтерла.

- Ему уже не пригодится. А ты кушай, милоч, – и по-доброму улыбнувшись, щедро зачерпнула гущи с самого дна.

Внезапно ужасно захотелось есть. Впрочем, вполне понятно. С самого утра во рту маковой росинки не было. Утром едва не проспал, не до еды было, обеденное молоко расколотил, а потом и вовсе едва Богу душу не отдал. Или отдал? Вдруг поймал себя на мысли – правильно говорить не Богу, а Богам. Либо же требуется выбрать, в чертоги к какому именно ты желаешь отправиться?

С супом поначалу заминка получилась: ложки-то нет. Соседи, что сейчас с таким аппетитом хлебнут свои порции варева, делиться с ожившим новеньким столовым прибором явно были не намерены. Ладно, не на королевском приеме, втянул в себя теплую, недосоленную жижу через край, потом принялся гущу выгребать горбушкой хлеба, а тут и сердобольная санитарка заглянула – ложку принесла (с возвратом!). Так что покидав в рот всё, что осталось в тарелке (перловка, какие-то овощи) и забросив следом раскисший хлебный обреза, осоловевший от еды, я откинулся на кровать.

А теперь спа-ать!

Утром чувствовал себя вполне здоровым, только вот когда окончательно сбросил дрему, обнаружил себя сидящим на кровати с пальцами, сложенными в простенькую мудру, и на автомате бубнящего привычный текст.

Аж сбился заученного с раннего детства ритма...

Занятно...

Что же сейчас происходит? А происходит со мной сейчас форменная мистика, а если точнее – Чтение Третьей Малой Веды. Веды – эдакие молитвы-медитации, дарованные людям Богами, для их выживания, развития, процветания (и ещё целая страница, призванная подчеркнуть благородство Высших сущностей). Я-Васька принялся их осваивать даже раньше, чем говорить нормально начал (как и любой житель этого мира)... А вот Я как Василий Степанович из 21 века спросонья разбирался с удивительной и поголовной «набожностью» у граждан молодого советского государства... Да, да, 1926 год на дворе, помню, помню.

Но сосредоточимся на Веде.

Плавный вдох, медленный выдох, во время которого про себя «пропеваю» нужные слова, по телу струится круговорот энергий, с каждым вздохом захватывая извне всё больше и больше...

Что ж. Вынужден признать, это действительно работает. Несколько минут подобной медитации и я спокойно поднялся с кровати бодрым и полным сил. Только ссадина на голове слегка ломила, если дотронуться – «А вы, молодой человек, не лезьте пальцами, куда не надо», – фыркнула на моё замечание пришедшая с вчерашним доктором практикантка, осматривающая меня прежде, чем дать «добро» на выписку.

Хорошо, что было это уже после завтрака – успел неплохо подкрепиться. Осыпал комплиментами нашу сиделку, за что был удостоен двойной порции с добавкой. И что люди на больничную еду наговаривают?

Ну вот и все! До завтрашнего утра домой отправлен!

Направляясь к выходу из заводской больницы, я рассматривал справку, что от доктора принесли. В ней сообщалось, что больной Николаев Василий Степанович 1910 года рождения может приступать к труду с завтрашнего дня, то бишь 23 июля 1926 года. Правда, в ближайшую неделю ему рекомендован «легкий труд». Словно он был в нашем кузнечном цехе, этот «легкий» труд. Ещё бы добавили про обязательные прогулки на свежем воздухе, а лучше – что мне рекомендуется есть больше мяса, присовокупив к подобному решению соответствующую продовольственную карточку...

И пошел я, солнцем палимый. Кстати, солнце действительно палило знатно. Тут, в Новом Гирканске [1], что широко раскинулся на северном берегу Каспия в устье реки Урал (а точнее – на сети каналов, в которые сию реку давным-давно заключили) в это время самый разгар лета.

В задумчивости и не заметил, как углубился в ряды двухэтажных бараков, что почти возле самих заводских корпусов стояли.

Дом, милый дом. Ха! А строения – то вокруг знакомые и по «другой» жизни! Очень похожие деревянные двухэтажки стояли по соседству от дома, в котором я обитал ребенком в середине шестидесятых. Разве что в туалет жителям будущего во двор бегать не приходилось, как

сейчас.

Нда. Это точно не мой пентхаус в Москве третьего тысячелетия! Эххх... Может, я всё же сплю? А как проверить?

Зато тут было очень тепло, лицо ласкал морской ветерок, а от жарящего солнца вполне можно было спрятаться под сенью древ, что произрастали тут в изобилии. Хотя растительность здесь не просто несвойственна для средней полосы, она вообще неуловимо отличается от известной мне по «другой» жизни. Но чем – не скажу, ботаника – не моя специализация.

Вдруг взгляд выхватил пустырь с еле проглядывающимся сквозь зелень остовом. Перед глазами замелькали картины, увиденные в «детстве». Гражданская. Бои в городе. Огонь, сжигающий целые кварталы, крики, плач... Я-Васька, пока мать меня не нашла и не уволокла в подвал, смог воочую лицезреть многометровый вал огня, прокатившийся немного поодаль, глотая дом за домом, не брезгуя при этом и редкими паникующими людьми...

Передёрнув плечами, отгоняю наваждение, которое уже давненько меня не посещало, решительно ныряю в подъезд.

На стук в дверь двухкомнатной "квартиры" открыл младший брат Сенька, тут же во все горло закричавший:

- Мама! Мама! Васька вернулся! - И тут же затараторил, пытаюсь уложиться до подхода матери.
- А мы с мамкой вчера хотели к тебе в больницу идти, но нас сосед отговорил, сказал, что мешаться там врачу будем тебе помощь оказывать. Мы сегодня собирались пойти, а ты....

- Сынок! Живой! - мать выметнулась из комнаты, не давая Семену закончить рассказ об их планах. - Что с тобой было?. А то Шкода прибежал, сказал, что тебе в голову осколок от молота прилетел, и что тебя в заводскую больницу утащили. Чуть от разрыва сердца не померла.

Принялся рассказывать. Недолго. Проснулась Катюша (сестренка мелкая), и залилась плачем. Мать тут же к ней метнулась, оставив меня практически на полуслове. Зато Сенька снова вокруг запрыгал:

- Васька, а очень больно было? А я, когда дверью палец прищемил, так и не плакал почти....

От пятилетнего тараторки спас материнский зов обедать. За столом, как внезапно припомнилось, царил непреложный закон: «Когда я ем, я глух и нем!». За его нарушение от отца можно было и ложкой по лбу получить. Ну, когда он был не в рейсе на своем буксире, конечно.

Картошка-толченка, приправленная свиным жиром после пресных больничных харчей пошла на "Ура". А молчаливость трапезной атмосферы позволила спокойно погрузиться в свои мысли.

В «той» жизни из близких у меня остались бывшая жена да взрослая дочка. Родители давно меня покинули, а братьев и сестер и не было никогда. А тут... Семья. Любящая мать, любознательный сводный брат и сестричка маленькая. Отец погиб в гражданскую – оказался слишком близко в эпицентру одного из первых городских сражений, вот его обломками разрушенного здания и завалило... Теперь же у нас глава семьи Григорий, родной отец Сеньки с Катькой.

Нельзя сказать, что он человек плохой или относится ко мне как-то не так. Зря не ругается, без причины не лупит (а нынче это первейшее воспитательное средство), советы дает полезные, даже попробовал поначалу пробудить у меня интерес к матросской доле (хоть и отказался от этого, поняв что Я-Васька намерен пойти по пути родного отца и стать рабочим), а возвращаясь из очередного рейса обязательно привозит гостинец. Как и всем остальным. Но теплых и доверительных семейных чувств как-то не возникло... И, пожалуй, с этим что-то нужно делать.

Мда... Я, конечно, не Скарлетт О'Хара, но всё же «подумаю об этом завтра». А прямо сейчас, дожевав свою порцию, малодушно сбежал от тирании младшего брата во двор. От его нескончаемой скороговорки и прыжков вокруг даже голова снова заболела. Но во дворе одна мелкота бегала, у нас на районе по большей части рабочие живут, а посему все взрослые сейчас на заводе. Вдыхая жаркий летний воздух, решил двинуться ближе к берегу - город посмотреть да мысли в голове упорядочить...

[1] город Гирканск. Основан на северном побережье Каспийского моря во второй половине 1-го века до Н.Э. группой оборотней, бежавших с территории, подконтрольной Римской Империи после поражения восстания Спартака. Основатели города искали Гирканию (Территорию на юго-востоке Каспийского моря, в переводе с греческого - Страна волков), но по прибытии туда обнаружили, что к оборотням эта сатрапия Парфянского царства не имеет никакого отношения, а местные жители им не рады. Поэтому, изменив первоначальные планы, обосновались севернее, основав поселение, которое впоследствии было названо Гирканск ("Город Волков"). Во время татаро-монгольского нашествия город был разрушен, но позже укрывшиеся в старой лакуне жители отстроили его заново (несколько в стороне). Так в 1243 году Н.Э. появился Новый Гирканск. Он был местом торговли, пиратства, ремесла и рыболовства (осетровые). В 1291 году Н.Э. уже в новом городе произошел первый прорыв Терос Магеро (Лакуны) и стражник Димитрус из рода Канис был Избран Фамильяром (магия - "Укротитель Зверей"). В конце 19 века город стал значимым промышленным центром.

<http://tl.rulate.ru/book/89477/2860150>